

ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

11/386смк 2, 1996, 194В, N1

ЕСЛИ исходить из расчета: одна статья в день в течение 30 лет, не говоря уже о довоенных годах и днях Сопrotивления, на моей совести должно быть около десятка тысяч статей. По количеству написанного — это изрядно. Но сегодняшняя статья будет единственной в своем жарге в моем полном собрании сочинений. Я намерен приветствовать в ней начало последней четверти века.

Вряд ли мне представится другой такой случай. 1 января 2001 года мой возраст перевалит за 102 года. К тому времени весь мир, Советский Союз, «Известия», да и я сам настолько изменятся, что, если даже произойдет чудо и я буду еще в состоянии писать, мои статьи покажутся более старомодными, чем сегодня платья моей невесты.

На заре первой четверти века, 1 января 1901 года, я только что перестал сосать материнское молоко. Ничто не давало оснований моей скромной мелкобуржуазной семье предполагать, что я когда-нибудь буду писать статьи и, подумать только, — в московскую газету! К тому же тогда я был еще неграмотный так же, как и подавляющее большинство наших дедов, мои друзья-читатели.

Хотя я и не мог запомнить 1 января 1901 года, я его представляю достаточно хорошо. Франция тогда была республикой, единственной в Европе наряду со Швейцарией (если не считать Сан-Марино). Она верила в прогресс. Ни один француз в 1901 году не сомневался ни в будущем экипажей, которые перемещались без помощи лошадей и назывались автомобилями, ни в будущем летательных аппаратов, напoдненных газом, — их называли дирижаблями.

Франция была союзницей русского царя, но французы не были от этого меньшими демократами. Анатолий Франс председательствовал на митингах в поддержку революционеров 1905 года. Жорес предсказывал, что придет день, когда мужики станут во главе прогрессивных сил мира.

Давайте договоримся. Не в моих интересах оскорблять память наших стариков. Они были воодушевлены прекрасными чувствами: пацифизмом, братством, стремлением к справедливости. Только редко встречались среди них социалисты, которые были настолько социалистами, чтобы на самом деле желать социализма. Они представляли его себе как созревающий на дереве плод, который они сорвут однажды в праздничный день. Они мало отличались друг от друга. Они были анархистами, другие — преимущественно сторонниками парламентаризма. А многие были готовы на все, лишь бы сделать карьеру в буржуазной политике. Они жили в золотой для ренегатов век. Мильеран, социалист, автор ультрареволюционной программы, стал ультрареакционным президентом республики. Бриан, социалист, вещал о всеобщей забастовке и потом становился уже, не помню сколько раз, министром. До второй мировой войны оправдывает все, что предсказывал Жорес: буржуазия будет искать своих великих людей в «помойных ведрах социализма». Небольшие скобки: вот уже тридцать лет, как

некогда столь доходная профессия ренегата перестала быть рентабельной.

Итак, эти «революционеры» января 1901 года много говорили о революции, считая, что это освободает их от обязанности ее делать. Впрочем, была ли она возможна, эта революция, в 1901 году во Франции? Кровавая баня, устроенная Парижской коммуне, наложилла отпечаток на всю общественную жизнь страны. Правда, рабочее движение ширилось, укрепляло свое единство. Но крестьянство все еще сохраняло свой консерватизм, средние классы не были еще так задавлены крупным капиталом. И если бы французов спросили, «кто ваш враг», большинство ответило бы: «немец». Лишь незначительное меньшинство сказало бы: «капитализм».

Однако в последующую четверть века в представлениях людей произошли серьезные изменения.

Что касается революционеров, а на этот раз их нужно назвать по имени — коммунисты, то они ушли далеко вперед по сравнению со своими отцами 1901 года. Они знали, что социализм возможен: он строился на их глазах. Они верили, что знают, как к нему прийти — по пути, проложенному Лениным. Они знали в то же время, что от успехов страны, которая начала строить социализм, зависело будущее всех нас. И чем больше ей угрожали, тем большей и самой насущной задачей международного социализма была поддержка ее благородного, волнующего начинания. Революционером 1926 года в Париже, Берлине, Мадриде, Мехико был тот, кто во время любой демонстрации не забывал взять и плакат со словами: «Руки прочь от Советской России!». Он повсюду был в меньшинстве, этот революционер 1926 года, но он уже был бойцом авангарда.

Правда еще и то, что этот революционер 1926 года ошибался в ритме истории: его победа казалась ему близкой, более близкой, чем она могла быть. Но разве это большая беда?

Революционер 1 января 1951 года не так уж отличался от своего предшественника, как можно было предположить. Конечно, русская революция больше не была уже для него грузовиком, набитым рабочими в кожанках, перепоясанных пулеметными лентами. Советский Союз завершил свои первые пятилетки и разгромил гитлеризм. Французская коммунистическая партия стала первой партией Франции. Но угроза войны, антисоветизм, антикоммунизм, разве они уменьшились? «Холодная война» предвещала ядерную войну. Капитализм потерял острие своего копыя — нацизм. Но антисоветская истерия того мира, который называл себя свободным лишь потому, что следовал в кильватере США, была не меньшей опасностью. Америка претендовала на атомное превосходство. Морис Торез предупреждал: «Мир висит на ниточке» С другой стороны, антикоммунизм буржуазии как раз и свидетельствовал о наших успехах, о шаткости капитализма.

Главным в 1951 году было сохранить мир, сохранить

будущее, и в этом поворотном пункте истории, когда погруженные в спячку в своих цепях континенты начали открывать глаза, помочь им сбросить колониализм. Итак, антикоммунизм, антисоветизм, колониализм — какие еще названия присущи общему понятию «капитализм»? В 1951 году так называемые «левые партии», антикоммунистически настроенные, участвовали в правительствах, которые подчинились Америке и которые вели во Вьетнаме, а позже в Алжире последние колониальные войны Французской Республики. Было бы, следовательно, абсурдно упрекать Французскую коммунистическую партию в том, что она «пренебрегала» шансами на победу и непосредственными интересами французских трудящихся в угоду, как говорят глупцы, интересам Советского Союза. Это был единый общий бой.

Если хорошенько поразмыслить, условия борьбы коммунистов в 1976 году отличаются от условий борьбы в 1951 году, как они отличались в 1926 году от условий 1901 года. Соотношение сил в мире изменилось. Наше нынешнее парламентское большинство испытывает по отношению к СССР и социализму не меньшую антипатию, чем во времена «холодной войны», но оно не может говорить об этом или действовать с этих позиций. И если сегодня я вышел бы на демонстрацию в Париже с лозунгом: «Руки прочь от Советской России!», надо мной немало бы посмеялись. Советский Союз не нуждается в демонстрантах для своей защиты.

У революционера 1976 года сердце не менее горячее, чем у его предшественников. Правда, если он мой ровесник, то он не уверен, что увидит всемирный триумф социализма. Но он знает, что социализм наступит неизбежно и он в глазах французов будет таким, что привлечет к себе наибольшее число людей. Главное заключается в том, что победа социализма положит конец тирании денег, привилегиям, экономическому беспорядку, нищете, аморальности человеческих отношений, создаст условия настоящей свободы, равенства, которое не является ни лживым «равенством перед законом», ни утопической уравниловкой.

Итак, в новых условиях — новое поколение революционеров. Но наша признательность советскому народу базируется на том факте, что наши успехи в борьбе за социалистическое переустройство общества были бы невозможны, если бы не было Советского Союза, если бы не было его мощи, его решимости, его достижений.

Если бы моя юность знала все, что я пишу сегодня, она бы, без сомнения, вздыхала: как это долго длилось! XIX век, заполненный революциями, был веком господства буржуазии. Парижская коммуна была лишь провозвестником новой эры, наступившей уже в XX веке с победой Великого Октября. Эры перехода от капитализма к социализму. Стоит лишь оглянуться на прошедшие 75 лет, чтобы понять, какой будет грядущая четверть века. Это будет период новых побед сил разума и прогресса, сил мира и социализма.

ПАРИЖ.